

Г. И. Миронова, С. М. Васильев

О СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ, ПРАВОСУДИИ И СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ

Аннотация. В статье рассмотрена и проанализирована проблема разделения властей в России и западных государствах. Исследованы некоторые вопросы правосудия и судебного контроля как проявления судебной власти.

Ключевые слова: судебная власть, правовое государство, правосудие, принцип состязательности, судебный контроль.

Независимая судебная власть – это стержень правового государства. Основное назначение судебной власти – охрана членов общества от любого произвола, причем как от произвола других граждан, так и от неправильных действий самого государства, его органов и должностных лиц. Без осуществления подобной деятельности государство не может считаться правовым. Оно должно создавать «условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений» [1, с. 254].

Существование судебной власти наряду с законодательной и исполнительной является важным признаком демократического государства. Обособление судебной власти от иных государственно-властных структур свидетельствует о продвижении государства к реализации принципа верховенства права, закрепляемых в нем идей свободы и справедливости.

Понимание того, что концентрация власти в одних руках ведет к произволу, что разные направления государственной власти необходимо разделять, возникло давно. С определенной долей вероятности можно предположить, что оно появилось с возникновением самого государства. Научное обоснование идеи разделения властей, как известно, впервые дал Монтескье в 1748 г. в своем знаменитом сочинении «О духе законов». Его теория, по мнению ученых, занимавшихся проблемой рационального устройства государственной власти, в том числе судебной власти, имела изъяны, подвергалась критике с их стороны, но «огромная историческая заслуга Монтескье, впервые заговорившего о разделении государственных властей, стоит вне всяких сомнений», – справедливо признавал И. Я. Фойницкий [2, с. 146].

Выражая свою точку зрения на проблему, И. Я. Фойницкий писал: «В ряду обязанностей, на государственной власти лежащих, одно из самых важных мест занимает обязанность доставить правосудие населению. Эта функция, – продолжал он, – призывает к жизни судебную власть как ветвь власти государственной, дополняющую другие ее власти – власти законодательную и правительственную» [2, с. 145]. Потребность разделения власти судебной, исполнительной и законодательной диктуется необходимостью взаимного контроля и ограничения друг друга. «Государство само себя никогда не ограничит, какое бы оно ни было. Ограничить власть может только другая власть» [1, с. 255].

Сферы реализации трех ветвей власти подлежат четкому разделению. «Но и разделившись, – подчеркивал И. Я. Фойницкий, – каждая из них не становится силой, отдельной и совершенно независимой от других; напротив, все они исходят из общей воли государственной» [2, с. 147]. «Разделение властей, – читаем мы в учебнике «Правоохранительные органы», – следовало бы основывать прежде всего на их сотрудничестве, ко-

торое, однако, сдерживало бы каждую из них, ставило бы в определенные рамки и балансировало» [3, с. 44].

Одной из существенных особенностей любой власти, в том числе судебной, является возможность оказывать влияние, подчинять своей воле отдельных лиц и общество в целом. При этом такое воздействие осуществляется через систему специализированных государственных органов. Судебная власть оказывает влияние через судебные органы и судей как должностных лиц государства.

Словосочетание «судебная власть» встречается в большинстве современных конституций и нормативно-правовых актах зарубежных государств. Если даже взять, к примеру, своеобразную, нестандартную Конституцию Великобритании, которую часто называют неписаной, имея в виду, что она никогда не была «записана» в едином акте, то тем не менее станет очевидным, что вопросы судебной власти в ней не обделены вниманием. В части I гл. 4 «Акта о конституционной реформе 2005 г.» закреплен принцип господства права. В части II той же главы говорится о судебной власти и ее независимости: «Лорд-канцлер и другие министры Короны не должны пытаться оказывать влияние на вынесение судебных решений каким-либо способом. Лорд-канцлер должен заботиться об этой независимости».

В большинстве современных конституций государств Европы закрепление судебной власти предполагает не только формально-юридическое признание принципа разделения властей, но и законодательное признание самостоятельности, независимости и исключительности судебной деятельности в общем механизме реализации государственной власти. В конституциях имеются специальные разделы, в которых находят отражение конституционные основы судебной власти: определение судебной власти, основные принципы организации и деятельности судебной системы (принципы судостроительства, судопроизводства, правовой статус судей), судебные гарантии прав и законных интересов граждан (судебный контроль).

«Исходными постулатами концепции судебной власти как самостоятельной, автономной, отличной от других ветвей власти являются следующие положения, нередко прямо закрепленные в конституциях стран Европы. Во-первых, наделение властным характером не только отдельного суда, а всей судебной системы в целом. Во-вторых, нормативное признание и реальное воплощение принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную» [4, с. 193].

Например, в тексте ныне действующей конституции Франции 1958 г. судебной власти посвящен раздел VIII, который содержит всего три статьи. Статья 64 гласит, что «Президент Республики является гарантом независимости судебной власти. Ему помогает Высший совет магистратуры». Статья 65 посвящена судостроительству и судопроизводству. Статья 66 определяет судебную власть как «хранительницу личной свободы граждан». Принцип разделения властей закреплен в Конституционном законе от 3 июня 1958 г., в ст. 2 которого сказано: «Исполнительная власть и законодательная власть должны быть отделены друг от друга таким образом, чтобы Правительство и Парламент, каждый со своей стороны, несли ответственность перед Парламентом». «Судебная власть должна оставаться независимой с тем, чтобы обеспечивать соблюдение свобод, как они закреплены в Преамбуле Конституции 1946 года и в Декларации прав человека, к которой эта преамбула отсылает» (ст. 4).

Основной закон ФРГ от 23 мая 1949 г. провозгласил Германию правовым, федеративным, демократическим, республиканским и социальным государством (ст. 20, 28). Эти определения встречаются и в конституциях других зарубежных стран. Однако отличительной чертой Основного закона ФРГ, одного из первых в Европе, стало провозглашение концепции правового государства, которая носит более заверченный характер, чем в других странах [4, с. 103].

Конституционно-правовая доктрина ФРГ также акцентирует внимание на значении судебной власти в правовом государстве. Так, немецкий автор монографии о правосудии в Германии В. Хайде утверждает, что «в системе разделения властей правового государства на одной стороне находится правосудие, а на другой – противостоящие ему законодательная и исполнительная власть» [4, с. 193]. Хотя принцип разделения властей прямо не упоминается, но в ч. 2 ст. 20 Конституции отмечается, что государственная власть осуществляется «через посредство специальных органов законодательства, исполнительной власти и правосудия». Правосудию посвящена отдельная глава, в которой сказано, что «судебная власть вверяется судьям» (ст. 92). «Судьи независимы и подчиняются только закону» (ст. 97).

«Разделение властей представляет собой гораздо больше, чем просто разделение государственных органов. Разделение властей должно сопровождаться системой сдержек и противовесов» [2, с. 147]. Еще Джеймс Медисон – главный «архитектор» Конституции США – говорил, что до тех пор, пока органы государственной власти «не будут переплетены и связаны до такой степени, чтобы предоставить каждому из органов контроль над другими, максимальный уровень разделения властей, как сущность свободного правительства, никогда на практике не сможет быть организован надлежащим образом» [5, с. 125].

Эти истины прекрасно понимали еще составители Устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 г. В соответствии с ним и стремились строить отечественный уголовный процесс.

Безупречность научного фундамента Устава уголовного судопроизводства позволила весьма удачно сформулировать и обосновать реализацию принципа разделения властей при размежевании судебной власти, с одной стороны, с властью правительственной, а с другой – законодательной, а также правильно определить функции судебной власти, сущность принципа состязательности в судопроизводстве, сущность правосудия и судебного контроля как форм реализации судебной власти.

Судебная власть может проявляться во многом. Полномочия судов многогранны. Их осуществление и есть реализация судебной власти. Бесспорно, что среди этих полномочий доминирующую роль играет правосудие. Правосудие – важнейшее проявление судебной власти, но не единственное. В последнее время внимание ученых привлекает такое проявление судебной власти, как судебный контроль.

Правовая природа судебного контроля изначально исходит из общего закона разделения труда, который, отражаясь на государстве, вызывает разграничение государственных функций и создание для каждой из них особых, наиболее пригодных органов [2, с. 147]. В этом заложено начало принципа разделения властей. Все виды государственной власти направляются к общим целям, но каждая ветвь строится сообразно сферам ее воздействия. Различие сфер создает различие задач деятельности.

Являясь разновидностью судебной власти, имея в своей основе те же самые начала (разделение труда, разделение государственных властей, разделение процессуальных функций), судебный контроль призван создать надежные гарантии обеспечения прав и законных интересов личности, возвести заслон произволу со стороны органов уголовного преследования.

Судебному контролю посвящены труды многих ученых и практиков, исследовавших как общетеоретические, так и конкретные проблемы регламентации или практической реализации той или иной его формы. В этих трудах ставились вопросы о цели, задачах, функциях и формах реализации подобного контроля в уголовном процессе России, характере этой деятельности, ее соотношении с такими направлениями государственной деятельности, как «правосудие» и «прокурорский надзор», этапах уголовного судопроизводства, на которых возможна реализация полномочий органов судебной власти в форме судебного контроля; процессуальной форме его реализации и, наконец, вли-

янии данного процессуального порядка на достижение цели уголовного судопроизводства и решение его непосредственных задач [6, с. 121].

О том, что уголовному судопроизводству изначально и органично присущ контрольно-проверочный элемент, неоднократно отмечалось в юридической литературе [7, с. 13]. Отмечалось также и то, что роль контрольного элемента в процессуальной деятельности возрастает по мере движения уголовного процесса от стадии к стадии.

Обращалось внимание и на специфическую, сугубо контрольно-проверочную направленность стадии предания суду, которая в настоящее время имеет весьма неопределенное, не отражающее ее сущность название – стадия подготовки к судебному заседанию [8, с. 6; 9, с. 311].

В отличие от других стадий процесса, где судебный контроль является вспомогательным средством (одним из средств) для достижения более общей (основной) задачи процесса, стадия предания суду (подготовки к судебному заседанию) предусматривает, что судебный контроль является доминирующим средством решения конкретной процессуальной задачи, основным средством достижения поставленной цели. Такой контроль осуществляется за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокуратуры.

На стадии предания суду выполнялись задачи двоякого рода. Прежде всего суд обязан был надежно контролировать действия и решения органов предварительного расследования и прокуратуры, ограждая права личности и интересы общества от незаконного и необоснованного предания обвиняемого суду либо, наоборот, незаконного освобождения виновных от привлечения к уголовной ответственности. При этом суд должен был проверить качество предварительного расследования, включая достаточность доказательств для предания обвиняемого суду и рассмотрения дела по существу, правильность применения уголовного закона, соблюдение процессуальных форм, а также определить пределы судебного разбирательства. С другой стороны, на данной стадии процесса проверялось наличие условий для проведения судебного разбирательства, совершались необходимые для этого подготовительные действия.

Суд, решая вопрос о предании обвиняемого суду, имел реальную возможность влиять на необдуманные, незаконные и необоснованные действия и решения органов предварительного расследования и прокуратуры и был наделен с этой целью значительными полномочиями: вправе был возвратить уголовное дело прокурору для устранения нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могли быть устранены в ходе судебного разбирательства; имел право вернуть уголовное дело для дополнительного расследования в связи с его неполнотой, или в связи с необходимостью предъявлять более тяжкое обвинение или привлечь к уголовной ответственности по данному уголовному делу других лиц. Суд на этой стадии имел также право прекратить уголовное преследование в отношении обвиняемого [10, с. 290].

Устанавливая на стадии предания суду изложенные правила, законодатели (составители УУС) прекрасно сознавали, что они в определенной мере отступают от состязательного начала, требующего не возлагать на суд функцию уголовного преследования. Они делали это потому, что вполне обоснованно считали: без подобного рода отступлений невозможен эффективный судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений органов расследования и прокуратуры.

В настоящее время вопрос полномочий судьи на стадии предания суду (подготовки к судебному заседанию) приобрел особую актуальность. Стало очевидным, что составители Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) отказались от ряда позитивных отечественных и зарубежных традиций.

Известно, например, что все прежние отечественные УПК по традиции, восходящей еще к царскому УУС 1864 г., уголовно-процессуальную деятельность нацеливали на объ-

активное, полное и всестороннее исследование обстоятельств дела с тем, чтобы установить по делу истину. Составители УПК РФ исключили данный демократический принцип, посчитав его антагонистическим по отношению к состязательности. С этим нельзя согласиться. Странным образом был истолкован и реализован и сам принцип состязательности. Этот принцип закреплен в Конституции Российской Федерации: «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» (ст. 123). Предусмотрев названное принципиальное начало, Конституция РФ не раскрыла его содержание. Это задача отраслевого законодательства – УПК РФ. Чтобы решить ее, необходимо было учесть исторический опыт уголовно-процессуальной теории и определить, что есть состязательность в уголовном процессе.

Представляется, что состязательность в уголовном процессе предполагает, во-первых, правильное, рациональное разделение функций, прав, обязанностей и ответственности между судом, прокурором, органами расследования и всеми иными лицами, участвующими в производстве по делу; во-вторых, предоставление каждому имеющему процессуальный интерес в деле прав стороны перед судом; в-третьих, процессуальное равноправие перед судом спорящих сторон; в-четвертых, правильное руководство состязанием сторон, которое осуществляет независимый, объективный, беспристрастный суд, принимающий все предусмотренные законом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины.

Состязательность при наличии всех этих условий, позволяя вовлечь стороны в активный поиск истины вместе с судом, дает возможность и более надежно защитить права человека, вовлеченного в орбиту уголовного процесса.

Стремление создателей УПК РФ построить отечественный уголовный процесс на началах состязательности заслуживает безусловного одобрения. Данное начало способно служить надежным гарантом прав личности и общества в уголовном судопроизводстве, поднять престиж правосудия при правильном его понимании и разумной реализации в рамках системы всех других демократических принципов и гарантий процесса, при которой состязательность способна органически «вписаться» в эту систему и гармонизировать с этими принципами и гарантиями. Однако анализ содержания УПК РФ и практики его применения дает основание заключить, что принцип состязательности был реализован в нем неудачно. В России исторически сложился так называемый смешанный тип уголовного процесса, при котором состязательность и равноправие сторон не исключают активности суда в поиске истины.

Активность суда не следует отождествлять с обвинительным уклоном, противоречащим состязательности. Подлинная активность суда должна быть связана с реализацией требования объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела, с поиском истины. Состязательность лишь инструмент судебного познания. Все зависит от того, в чьих руках находится этот инструмент, т.е. от судей, их воли, инициативы, активности. Одно дело, когда суд, стремясь к установлению истины, может не достичь поставленной цели. Потому и уголовный процесс строится таким образом, что каждая последующая его стадия является контрольной для предыдущей. Судебные ошибки неизбежны. И другое дело, когда суд не стремится к постижению истины, так как это не входит в его обязанности и цель такая перед ним не стоит, а значит, нет и ответственности за неустановление подлинных обстоятельств дела. Поэтому отказ от принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела с тем, чтобы установить на его основе истину, негативно отразился на многих основных институтах уголовного судопроизводства, в том числе на характере решений, принимаемых судом на стадии предания суду (подготовки к судебному заседанию).

Надо, однако, признать, что составителями УПК РФ было верно отмечено, что действия суда, принимающего решение о предании обвиняемого суду, так или иначе связа-

ны с обвинительной функцией, что не согласуется с принципом состязательности, с его теорией разделения процессуальных функций. Верным было и их стремление освободить суд, которому предстоит вершить правосудие по делу, от деятельности, несовместимой с функцией правосудия. Однако путь реализации правильной по сути идеи оказался, к сожалению, ложным. Вместо того, чтобы поручить контрольные функции над обвинительной деятельностью в стадии предания суду другому суду (судье), чему учит многолетний как отечественный, так и зарубежный опыт, законодатели усердно взялись урезать полномочия суда на этой стадии и создавать посредством различных ухищрений видимость освобождения его от акта предания суду. Вопросы, которые судья мог и должен был разрешать по поступившему к нему делу, и решения, которые он мог принимать, были сокращены до предела. В том числе не стало главного из них – о достаточности доказательств для предания суду и назначения судебного заседания, а также других, без которых его контроль фактически становится пустой формальностью. Суд не вправе сейчас возратить уголовное дело для дополнительного расследования ввиду его неполноты не только по собственной инициативе, но и по ходатайству сторон. По сути, суд лишился реального права исправлять ошибки и злоупотребления органов уголовного преследования.

Таким образом, развитие стадии предания суду пошло по пути резкого свертывания контрольных полномочий суда над обвинительной деятельностью органов уголовного преследования, а тем самым урезания гарантий прав личности и общества. Суд лишился полномочий прекращать уголовное преследование обвиняемого по таким основаниям, как отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, а также непричастность обвиняемого к совершению преступления (ч. 1 ст. 239 УПК РФ). Теперь судья, даже если он убежден, что перед ним явно незаконно или необоснованно привлеченный в качестве обвиняемого человек ввиду наличия для этого любого из названных оснований, не вправе прекратить против него уголовное преследование по поступившему к нему от прокурора делу с обвинительным заключением или обвинительным актом. И это несмотря на то, что сказанное, по нашему мнению, находится в явном противоречии с Конституцией РФ, а также с принципиальными положениями ст. 6 УПК РФ.

Согласно Конституции РФ (ст. 2), «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина» являются обязанностью государства, а значит, и всех его органов. В соответствии с этим п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ требует защищать личность «от незаконного и необоснованного обвинения». Суду при этом в правовом государстве, каковым Конституцией РФ провозглашена наша страна, должна принадлежать решающая роль.

Между тем суд на стадии предания суду, призванной служить гарантией прав обвиняемого от необоснованного признания его подсудимым, должен в приведенных выше случаях назначить судебное заседание, неизбежно признать обвиняемого подсудимым, который вынужден будет без законных на то оснований публично держать ответ перед судом. Причем делать это судья должен вопреки своему внутреннему убеждению и здравому смыслу. Назначение в подобных ситуациях судебного заседания будет не только напрасной потерей времени и средств, но и явно незаслуженным отягощением положения обвиняемого, причинением ему нравственных страданий. Могут повышаться при этом шансы осуждения невиновного.

Вследствие лишения суда права реально контролировать обвинителей, исправлять их ошибки и злоупотребления оказалось искаженным само целевое предназначение стадии, традиционно именовавшейся стадией предания суду: она фактически стала неопределенной, беспредметной. Не потому ли составители УПК РФ так и не смогли найти для нее подходящего названия, соответствующего ее содержанию?

Внесение многочисленных изменений в нормы УПК РФ, проблемы и тупики в практике его применения, вмешательство Конституционного суда РФ – все это подтверждает, что в основу концепции УПК РФ, по всей видимости, вкралась серьезная ошибка.

Налицо необходимость серьезной корректировки не только отдельных норм, но и самой концепции УПК РФ в целом.

Список литературы

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2003.
2. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб, 1996. – Т. 1.
3. Гуценко, К. Ф. Правоохранительные органы : учеб. для юридических вузов и факультетов / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев ; под ред. К. Ф. Гуценко. – М., 2004.
4. Конституционное право государств Европы : учеб. пособие для студентов юридических вузов и факультетов / отв. ред. Д. А. Ковачев. – М., 2005.
5. Миряшева, Е. В. Предпосылки принятия конституций штатов США / Е. В. Миряшева // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. – 2012. – № 28.
6. Миронова, Г. И. Акт предания суду и его место в судебном контроле / Г. И. Миронова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки. – 2012. – № 28.
7. Горбань, В. В. Функция судебного контроля как необходимое условие развития демократических основ / В. В. Горбань // Российская юстиция. – 2007. – №3.
8. Ковтун, Н. Н. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации / Н. Н. Ковтун, А. А. Юнусов. – Казань, 2005.
9. Колоколов, Н. А. О праве, суде и правосудии: избранное / Н. А. Колоколов. – М., 2006.
10. Куцова, Э. Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации / Э. Ф. Куцова // Ученые-юристы МГУ о современном праве. – М., 2005.

Миронова Галина Иосифовна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра правоохранительной деятельности,
Пензенский государственный университет
E-mail: Mironova1301@mail.ru

Mironova Galina Iosifovna

candidate of juridical sciences,
associate professor,
sub-department of law enforcement,
Penza State University

Васильев Сергей Михайлович

студент,
Пензенский государственный университет
E-mail: Sergej-2.Vasilev@yandex.ru

Vasil'ev Sergey Mikhailovich

student,
Penza State University

УДК 343.1

Миронова, Г. И.

О судебной власти, правосудии и судебном контроле / Г. И. Миронова, С. М. Васильев // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4 (8). – С. 7–13.